

Этьена-Дени Паскье
Паскье
Этьен-Дени.
Мемуары

Этьена-Дени Паскье

Паскье Этьен-Дени. Мемуары

«Автор»

2026

Паскье Э.

Паскье Этьен-Дени. Мемуары / Э. Паскье — «Автор», 2026

Первая глава мемуаров Этьена-Дени Паскье, канцлера Франции, переносит читателя в последние десятилетия Старого порядка. Автор, родившийся в 1767 году, воссоздаёт атмосферу своего детства: домашнее воспитание в духе Руссо, годы, проведённые в коллеже Жюйи у ораторианцев, каникулы в родовых замках Кулан и Тюбёф. Перед нами проходят яркие портреты людей эпохи: дед-магистрат, соученик Вольтера; мать, увлечённая янсенизмом и лично знакомая с Жан-Жаком Руссо; епископ Гримальди; провинциальное общество Ле-Мана. Паскье подробно описывает мир судейского сословия, его нравы, интеллектуальные интересы и повседневную жизнь. Отдельное место занимает история конфликта его деда с Вольтером вокруг дел Лалли и Лабарра, а также публикуемое письмо Вольтера, в котором философ фактически признаёт свою неправоту. Эта глава — не только ценнейший исторический документ, но и увлекательное повествование о воспитании, семье и интеллектуальной атмосфере Франции накануне Революции.

© Паскье Э., 2026

© Автор, 2026

Этьена-Дени Паскье

Паскье Этьен-Дени. Мемуары

Глава 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Детство канцлера Паскье. — Его первоначальное воспитание. — Отношения его матери с Ж.-Ж. Руссо, а его деда — с Вольтером. — Его поступление в коллеж Жюйи, содержащийся ораторианцами. — Его соученики: Моле, д'Этамп, Мези, Арно, автор «Мария в Минтурнах». — Его каникулы в замке Кулан, близ Ле-Мана, и в замке Тюбёф у г-жи Берье, матери г-жи де Ламуаньон. — Монсеньор Гримальди, епископ Ле-Манский. — Г-жа де Лашатр. — Роль деда канцлера в деле г-на де Лалли и в процессе г-на де Лабарра. — Ответ на диатрибы Вольтера и Лагарпа. — Письмо с извинениями (неопубликованное) Вольтера. — Воспитание молодого человека при Старом порядке. — Мир судейского сословия. — Любовь к наукам и словесности у членов Парижского парламента.

Старый порядок[1] — тот, что предшествовал Революции 1793 года[2], — не был мне вовсе незнаком; до его падения я уже был принят в свете.

Моя память, всегда достаточно верная, может предоставить мне подробности, способные, вероятно, заинтересовать тех, кто хотел бы знать нравы, обычаи, привычки времени, от которого они в действительности отделены лишь немногим более чем полувеком и которое, однако, ввиду невероятного множества событий, происшедших с тех пор, столь же неизвестно нынешнему поколению, как если бы прошло двести или триста лет.

Это верно даже для времени Империи, о чьих нравах и идеях забыли; из него удержали лишь битвы, и то неполно. Реставрация, столь близкая, из которой вышел конституционный режим, оставила лишь память об июльских ордонансах[3] и трёх днях, приведших к её падению; следует ли тогда удивляться, что последние годы правления Людовика XV и всё царствование Людовика XVI столь совершенно неизвестны?

Я родился в 1767 году в положении, которое, казалось, предвещало мирное существование и большое состояние, так и не доставшееся мне; забота, проявлявшаяся обо мне в раннем детстве, носила отпечаток увлечения методами Руссо[4]; я много от этого страдал. Под предлогом закаливания, в течение двух суровых зим (я был на четвёртом и пятом году) меня водили в Тюильри очень легко одетым; там я должен был, уверяли меня, согреться, двигаясь; мне велели бегать, холод отнимал у меня силы; в результате я остался одним из самых зябких существ, каких можно встретить.

Увлечение, какое страстное красноречие женеvского гражданина[5] вызывало тогда в умах, особенно в умах женщин, было сильно и, без сомнения, извинительно. Я узнал впоследствии, что моя мать не могла противиться весьма естественному желанию увидеть несколько ближе этого Жан-Жака, столь знаменитого и столь необыкновенного. Чтобы добраться до него, она воспользовалась предлогом, вообще тогда употреблявшимся, — принести ему музыки для переписывания. Мать моя была наделена острым умом, и прелесть её беседы была столь велика,

что мнимый философ захотел увидеть её вновь. Изгнание Парламента[6], последовавшее в 1771 году, положило конец этим отношениям.

Мне сделали инокуляцию[7] в эпоху, когда на неё решались лишь немногие. Английский врач по имени Хорлох[8], приехавший в Париж раньше братьев Саттон[9], был приглашён к одному из братьев моей матери, поражённому оспой; его уже отчаивались спасти; врач поставил его на ноги. Мать моя, находившаяся в положении, была поражена этой жестокой болезнью; её врач, знаменитый Бувар[10], объявил, что надлежит примириться с потерей матери или ребёнка. Хорлох, призванный вновь, спас и ту и другого. После такого успеха он предложил провести инокуляцию и мне. Отец согласился за меня, но не мог получить для моей сестры согласия моей матери. Вскоре после того сестра моя заболела натуральной оспой, была очень больна и осталась обезображена.

Это сопротивление было бы трудно объяснить, если не знать, что в ту эпоху среди лиц высокой набожности — а мать моя принадлежала к их числу — многие говорили, что искушать Бога — значит наносить человеческому существу болезнь, которая, быть может, не пришла бы к нему естественным путём. Значительная часть духовенства разделяла это мнение.

Моё воспитание должно было носить двойной отпечаток — старых идей и обычаев уходящего мира, а также философского, нерелигиозного и по существу новаторского духа, развившегося за пятьдесят лет. Последний имел лишь посредственный успех в моей семье, где глубоко укоренились противоположные устремления старой магистратуры, верным представителем которой был мой дед, умерший в 1783 году.

Будучи соучеником Вольтера[11], с которым он прошёл риторику у знаменитейшего из профессоров великого Коллежа иезуитов, отца Поре[12], мой дед отнюдь не поддавался увлечениям вольтерьянской и энциклопедической школы, влияние которой разбилось о твёрдость его разума, о его прочно установленные принципы в делах религии. Его искренняя набожность не знала никакой чрезмерности: он избегал обсуждать эти предметы и ограничивался тем, что свидетельствовал о своей вере неукоснительным исполнением обрядов. Я помню одно обстоятельство, которое с тех пор не раз приходило мне на ум: ему было около восьмидесяти лет, мне — двенадцать; я приехал провести каникулы с ним в замке Кулан. В ту эпоху он следил за моим воспитанием с исключительным старанием: мы каждое воскресенье присутствовали на мессе, которую служили в часовне замка. Однажды в воскресенье тот, кто должен был прислуживать, не явился; я заметил, как дед, бросив на меня многозначительный взгляд, покинул своё место и опустился на колени, заменяя отсутствующего отвечающего[13]. К счастью, вскоре тот пришёл и избавил его от этой утомительной обязанности[14].

Моё первоначальное образование в области знаний было не очень удачным. Самым тягостным для меня в его начале оказалось особое свойство моей памяти: хотя она способна многое охватывать в одних областях и весьма счастливо служила мне на поприще, которое я прошёл, заучивание слово в слово ей всегда не давалось. Отвращение к этому началось рано: мать моя, обладавшая в высшей степени способностью, которой я был лишён, не могла понять, что я столь ею обделён; поэтому с самого моего раннего детства она взялась навязывать мне задачи, которых мне было невозможно выполнить и которые доставили мне, вместе с множеством выговоров, многочисленные наказания.

Воспитание детей, которое стало столь ласковым, было тогда у большинства родителей весьма бранчивым; оно имело также, как и ныне, тот недостаток, что недостаточно изучало

природные способности, требовало от всех без разбору одного и того же, одних и тех же усилий. Часто случается, что, требуя от детей работ, к которым они неспособны, пренебрегают задатками, из которых можно было бы извлечь большую пользу.

Когда мне минуло семь лет, меня отдали в руки домашнего наставника; у меня их было двое последовательно: первый впал, вместе с моей матерью, в заблуждение относительно объёма моей памяти; он был образован, чрезвычайно усерден в заботах обо мне, но при этом суров и язвителен; он хотел бы получить от меня больше, чем позволяли моё хрупкое здоровье и мера внимания, какой я был способен; его заменил человек, быть может, менее всего на него похожий. Опыт не был удачнее; оба не оправдали доверия моих родителей; но нельзя не признать, что домашнее воспитание редко удаётся; смены наставников, которым подвергается воспитанник, — одно из главных его неудобств.

Добавлю, что, за немногими исключениями, такое воспитание, по моему мнению, полно опасностей; оно чаще всего влечёт за собой самые прискорбные последствия для здоровья или характера. В отношении здоровья недостаток движения вредит развитию физических сил, порождает скуку, столь трудно переносимую во всяком возрасте.

Мне было одиннадцать лет и четыре месяца, когда меня отдали в Жюйи; в ту эпоху учение шло быстро — что даёт основание полагать, что оно было поверхностным. Коллеж в Жюйи[15] содержался ораторианцами; это было наиболее прославленное из их заведений.

Отец Пти[16], бывший тогда настоятелем, пользовался вполне заслуженным уважением; у него было несколько весьма искусных сотрудников, среди них отец Мандар[17], чья репутация как проповедника была достаточно прочна, чтобы его включили в список королевских проповедников. Ему было поручено готовить учеников к первому причастию; ему я обязан тем, что совершил этот великий акт с глубочайшим согласием сердца и ума. Впечатление этого дня было столь же светлым, сколь торжественным, и память о нём часто возвращалась ко мне с большой радостью.

Известно, что ораторианцы[18] были ближе к янсенизму[19], чем к молинизму. Это обстоятельство и решило дело: мать моя выбрала коллеж, руководимый ораторианцами; её чрезвычайная набожность увлекла её в янсенизм, доктрину и практики которого она соблюдала. Наиболее видные из этой партии по уму и ловкости сплотились вокруг неё; из их внушений она черпала не только правила своего поведения, но и те обязанности, какие хотела бы внушить своим детям. Отец Мандар сделал из меня не доктора, но неофита, полного веры и благих намерений.

Каникулы возвращали меня на два месяца в семью. Мать расспросила меня о моей вере и обнаружила, что я в глубоком невежестве; чтобы вывести меня из этого состояния, она вручила мне неаполитанский катехизис[20] в трёх или четырёх томах, который я должен был одолеть за каникулы. Этот катехизис был страстно принят всеми, кто имел вес в янсенизме. Изучение, к которому я был принуждён, было для меня убийственно скучно; оно внесло в мой ум великое смятение, которое могли унять лишь спокойствие и размеренность коллежной жизни и, главное, краткая простота наставлений отцов.

Трудно не прийти к мысли, что те, кто утверждает, будто общественное воспитание ныне столь же религиозно, как когда-либо, либо не были свидетелями той эпохи, с которой они сравнивают, либо не сохранили о ней верного воспоминания. Религиозные конгрегации[21] были

в этом отношении более внимательны, чем светские коллежи, но разница была невелика; даже там, где господствовали философские идеи, внешние действия были слишком строго обязательны, чтобы ими можно было пренебречь.

Моими соучениками были: Моле[22], д'Этамп[23], Мези[24] (этот оставался, пока жил, моим самым близким другом), Арно[25], член Французской академии, — ум его тогда был мало развит, он был угрюм и печален. Никогда я не удивлялся больше, чем тогда, когда через несколько лет, после представления «Мария в Минтурнах»[26], узнал в авторе моего старого товарища. Известно, какое поприще он с тех пор прошёл.

Наши каникулы начинались в тот же срок, что и каникулы Парламента. Дед мой увозил меня с собой в Кулан или в Тюбёф, к своей старейшей приятельнице, госпоже Берье[27].

Велика была радость старого советника большой палаты, который возвращался домой после долгих месяцев трудовой жизни. Он прощался со своими папками с делами, как школьник прощается со словарями. Эта мирная и счастливая жизнь после трудов, которые он доблестно нёс, возвращала человека к кротким радостям семьи; деревенская жизнь и её здоровые радости укрепляли его старость, возвращая ему волнения юных лет.

Поместье Кулан[28], издавна принадлежавшее моей семье, возведённое для неё в баронство, расположено в трёх лье от Ле-Мана[29], в провинции, на которую простиралась юрисдикция Парижского парламента, и это обстоятельство немало способствовало уважению, каким пользовались её владельцы. Общественное положение парламентских советников, когда их владения были далеко от Парижа, особенно далеко от Версаля, было весьма заметным и обеспечивало им много знаков внимания со стороны самой высокой знати.

Передача собственности, раздел наследств порождали многочисленные процессы. Часто прибегали к их влиянию; члены многочисленных низших судебных инстанций весьма спешили принести им свои почести; всё способствовало тому, чтобы обеспечить им, когда они оказывались достойны этого, самое почётное и самое завидное существование.

Мои предки сделали всё, чтобы его заслужить; поэтому у них были в городе Ле-Мане, в окрестностях их резиденции, многочисленные друзья, избранные среди лучшего, что было в провинции. Ле-Ман, далеко не будучи значительным городом, предлагал однако богатые возможности для светской жизни: в дворянстве, в магистратуре, в высшей буржуазии и среди землевладельцев были люди достойные, образованные, выдающиеся, женщины умные, приятные, любящие удовольствие и внушавшие этот вкус всем, кто их окружал. Общество непринуждённое, довольно легкомысленное, находившее — и это рисует нравы той эпохи — в высшем духовенстве больше, чем просто снисходительность.

Епископство Ле-Манское[30] было в числе наиболее завидных. Доход его был значителен, епископский дворец очень красив; при нём был прелестный загородный дом в одном лье от города. Этот престол издавна занимали прелаты знатного происхождения, серьёзные, строго соблюдавшие обязанности своего святого служения. Когда епископская кафедра освободилась в последние годы царствования Людовика XV, её отдали аббату Гримальди[31], молодому церковнослужителю из знатного рода, весьма приятной наружности, ум которого был столь же изящен, как и манеры; в общении самом лёгком, он был, сверх того, весьма склонен привязываться к тем, кого удостаивал чести считать своими друзьями, и доказал это выбором генеральных викариев[32], какими счёл нужным себя окружить. Это были, как правило, младшие

сыновья семей, мало отмеченные фортуною, которые думали принять духовный сан лишь для того, чтобы проложить себе путь к лучшему положению; сойдясь с ними в годы, проведённые в семинарии Сен-Сюльпис[33], он обещал им призвать их к себе, как только станет епископом. Приняв это обязательство, он не поколебался его исполнить, и в Ле-Ман вместе с ним прибыла целая группа генеральных викариев, которые вскоре поставили епископство на совсем иной лад, чем тот, какой видели до тех пор.

Они стали бывать во всех кругах и особенно стремились завязать знакомства там, где можно было обрести наиболее приятные связи. Епископ относился к этой суете если не с одобрением, то с большой снисходительностью. В своей епархии пастырские объезды его были редки, а пребывание в замках, где он находил общество по своему вкусу, — долгим.

Замок Кулан был одним из тех, где он охотно останавливался. Его посещения начались в эпоху изгнания Парламента г-ном де Мопу[34]. Ум моей матери чрезвычайно ему нравился, и проповеди, которыми она его не щадила, всегда принимались им с величайшей любезностью.

Монсеньор Гримальди старался украсить свой загородный дом; он разбил там пейзажный парк[35], первый, без сомнения, какой видели в провинции, и сделал из него прелестную резиденцию. Он оставил Ле-Манскую кафедру, чтобы перейти на более высокую — в Нуайон[36], — когда Революция бросила его в Англию, где он, полагаю, окончил свои дни; там он показал себя не только строгим в соблюдении правил, но и суровым, и весьма нетерпимым по отношению к епископам, своим собратьям, и к священникам, которые сочли в 1800 году своим долгом не отказывать в содействии правительству Франции.

В Ле-Мане гарнизоном стоял драгунский полк Месье[37], которым командовал г-н де Лашатр[38]; офицеры, бывшие под его началом, принадлежали к лучшим семьям, были из самых выдающихся, самых блестящих; весьма покровительствуемые при Дворе, они все были весьма элегантны.

Г-н де Лашатр владел на небольшом расстоянии от Ле-Мана довольно красивым помещением, и его замок Маликорн[39], где г-жа де Лашатр несколько раз принимала гостей, был для всей провинции местом встречи высшего света; можно добавить, говоря как Корнель, — «обителью галантности»[40].

Г-жа де Лашатр не отличалась особой строгостью; весьма модная, она искала всё, что могло немного оживить жизнь в замке, и старалась терпеливо переносить разлуку с человеком, который свидетельствовал ей самую страстную преданность. Не следует удивляться, если вскоре ссоры, дуэли, скандалы разразились в этом краю, некогда столь мирном, и если некоторые кончились трагически.

Мы заканчивали каникулы в Тюбёфе[41] — большом и красивом замке, построенном из кирпича, окружённом широкими рвами, посреди обширного парка с вековыми елями. Там жили просто, без всякой изысканности, уже весьма распространённой. Обстановка была некогда великолепна, но вышла из моды. Я ещё помню мебель для гостиной — кресла и обивку из жёлтого атласа, привезённого из Китая сорок лет назад, вышитого шёлковыми узелками при помощи челнока г-жой Берье. По старому обычаю, прислуги было много; два или три старых камердинера всегда находились в первой комнате большой анфилады, они работали над вышивкой.

Г-жа Берье, вдова г-на Берье[42], последовательно занимавшего большие должности (он был даже министром Людовика XV), была матерью г-жи де Ламуаньон[43]; она обладала значительным состоянием; её крайне деликатное здоровье вынуждало её к строжайшему режиму; при роскошном столе она жила самым скромным образом. В ней едва теплилась жизнь; однако, поддерживаемая необычайной нравственной энергией, она прожила до первых лет века. Одарённая умом тонким и верным, проведя жизнь среди людей, причастных к большим делам, следовательно, много видев, многому научившись, она обладала в высшей степени талантом вести салон, отводить каждому подобающее место и самой неизменно занимать то, которое ей принадлежало.

Это общество, без сомнения, серьёзное, не исключало умных и изысканных развлечений. Там ставили комедии на сцене, устроенной в оранжерее. Помню, что в возрасте одиннадцати или двенадцати лет я участвовал в одной из этих пьес, которых не могла испугать самая щепетильная строгость, ибо она была произведением одного из членов многочисленного духовенства, относящегося к юрисдикции сеньории Тюбёф.

Земля Тюбёф была одной из тех во Франции, где сеньор назначал священников на большее число приходов — одиннадцать или двенадцать, полагаю, — из которых многие были богато наделены. Осуществление столь обширного права влекло за собой большую ответственность, которую г-жа Берье никогда от себя не скрывала; поэтому, чтобы облегчить её, она приняла все подобающие предосторожности, учредила при себе нечто вроде совета, который просвещал её в выборе, причём в этом она, впрочем, прекрасно ладила со своим епископом.

Многочисленное семейство г-на де Ламуаньона (у него было трое сыновей и четыре дочери, из которых две в эпоху, о которой я говорю, уже были замужем) приезжало в сентябре на несколько дней в Тюбёф, затем возвращалось в Бавиль[44], где г-н де Ламуаньон разорялся.

Из четырёх дочерей г-на де Ламуаньона третья, мадемуазель Луиза, была доверена своей бабушке, г-же Берье; она была прелестна, и я до сих пор помню, несмотря на шестьдесят шесть лет, прошедших с тех пор, это кроткое и чистосердечное лицо, возле которого я проводил большую часть вечеров, сидя рядом с большим клавесином, на котором она повторяла уроки Бальбатра[45]: тогда это был самый известный учитель.

Мадемуазель Луиза де Ламуаньон обязана своим прекрасным браком, который она вскоре заключила, тому доверию, какое внушало воспитание, полученное ею под крылом бабушки. Имя Ламуаньон, без сомнения, естественно сочеталось с именем Моле[46]; однако строгость нравов особняка Моле[47] и замка Шамплатрё с трудом приняла бы молодую особу, воспитанную в шумной суете Бавиля.

Я потерял деда зимой 1783 года; никакая явная болезнь его не поразила; в день его смерти его приятельница г-жа Берье покинула его в час дня, после долгого разговора без видимой усталости; в два часа он угас. Кончина его была лёгкой; небо приберегло её для него в возмещение трудов и волнений его долгого поприща. Парламентские борьбы в последние годы царствования Людовика XV были весьма тягостны; они завершились упразднением Парламента при министерстве г-на де Мопу (канцлера) и изгнанием всех его членов.

Среди дел, в которых дед мой играл важную роль, два особенно были ему тягостны: дело г-на де Лалли[48], по которому он был докладчиком, и дело Лабарра[49], касавшееся святотатства, совершённого в Абвиле. Как бы ни были яростны критика и нападки, вызванные двумя

вынесенными приговорами, он положил себе за правило не отвечать на них, уважая чувства, внушавшие усилия сына г-на де Лалли добиться кассации приговора, которым был осуждён его отец. Лишь однажды, выведенный из терпения диатрибами г-на де Вольтера, он написал ему, чтобы пожаловаться на несправедливость его приёмов. Я нашёл в его бумагах после его смерти ответ Вольтера; он и поныне в моих руках.

В 1801 году те же клеветы были воспроизведены в «Переписке» Лагарпа[50], опубликованной «Journal des Débats»[51]: я счёл своим долгом ответить на них следующим образом, опубликовав письмо Вольтера:

[Далее — письмо Паскье в редакцию:]

«Так как вы сочли уместным, милостивый государь, напечатать в вашей газете статью из „Переписки“ г-на де Лагарпа, касающуюся смерти г-на де Вольтера, то, без сомнения, вы не откажетесь поместить там же и письмо самого Вольтера; оно послужит ответом на эту статью в том, что касается моего деда. Особые соображения, связанные с долгом его звания, и более всего свидетельство его совести, которому он был обязан тем мужественным презрением, какое всегда питал к клевете, побудили его не предавать это письмо никакой огласке даже после смерти г-на де Вольтера. Он не считал допустимым, как то делали впоследствии столь многие, — не скажу, злоупотреблять, но пользоваться тем, что было ему написано в тишине кабинета и в доверии частной переписки. Без сомнения, он хотел, для собственного удовлетворения, вырвать у г-на де Вольтера признание, в каком, он был уверен, тот не мог отказать силе и очевидности доводов, какие он представил бы ему; но он на этом и остановился и счёл себя достаточно отомщённым. Г-ну де Вольтеру должно было стоить немало написать это письмо и доверить человеку, имевшему основания на него жаловаться, тайну своих непоследовательностей и своей легкости в вещах столь серьёзных и столь высокой важности. Г-н де Вольтер не имел случая раскаться в том, что положился на великодушные характера, в истинном уважении и даже в почтении к которому он не мог ему отказать.

Не знаю, что могло побудить г-на де Лагарпа включить опрометчивые утверждения в переписку, которую он называет литературной. Неделikatность, с какой он позволяет себе воскрешать воспоминания, какие столь долгие годы и столько недавних бедствий могли изгладить из памяти, вновь открывать раны, какие можно было считать зажившими, — одна эта неделikatность могла побудить меня наконец отразить неосторожное нападение, которого я менее всего мог ожидать.

Я, однако, медлил, пока это обвинение оставалось погребённым среди многочисленных страниц четырёх толстых томов; но ныне, когда его уединённое положение в фельетоне пространённой газеты должно было неизбежно сделать его более известным и заметным, я изменил бы тому, чем обязан памяти деда, которого имею столько оснований любить и чтить, если бы не воспользовался средствами, какие в моих руках, чтобы отразить клевету, преследующую его более чем через двадцать лет после его смерти. Это священный долг, который, полагаю, я исполняю, и если кто-либо мог бы усомниться в законности моих побуждений, я не желал бы иного судьи, кроме самого г-на де Лалли-Толлендаля[52], того мужественного сына, который сумел в столь несчастном деле сделать столько для памяти своего отца, был за это всеми хвалим и к уважению которого более, чем ко всему иному, я счёл должным — с тех пор как появилась эта переписка, более трёх месяцев назад, — хранить молчание, какое наконец прерываю с самым тягостным сожалением».

ПИСЬМО Г-НА ДЕ ВОЛЬТЕРА

«Ферне[53], 20 сентября 1776.

Милостивый государь,

Я получил письмо, которым вы меня почтили; мои восьмидесятилетние глаза читают его с большим трудом, сердце моё очень тронуту, а мой старый разум заставляет меня понять, что мне не следовало бы никогда писать.

Ясно вижу, что корыстолюбие некоторых книгопродавцев приписало мне несколько сочинений, которые не мои, и исказило те, автором которых я имел несчастье быть. Я видел четыре издания одного и того же сочинения, о котором вы сообразовали мне говорить, и эти четыре издания совершенно различны.

Если бы я мог разумно надеяться или бояться прожить ещё несколько лет, я сам сделал бы исправное издание, которое признал бы, и, конечно, вы не были бы им недовольны.

Моё семейство, милостивый государь, имевшее честь часто бывать в вашем обществе, рассказывало мне о ваших личных заслугах, вашем красноречии и подлинной доброте вашего сердца; я так доверяю этой доброте, что чистосердечно признаюсь вам в том, как произошли вещи, о которых вы мне говорите.

Сын храброго, несчастного, неосмотрительного офицера, о котором вы мне говорите, в самом справедливом, или, по крайней мере, самом простительном отчаянии написал записки, какими воспользовались, и вы, без сомнения, извините сына, желающего оправдать своего отца.

Раз вы, милостивый государь, поощряете меня к признаниям, в которых, я уверен, человек вашего звания и вашего возраста не злоупотребит, я скажу вам ещё, что весьма добродетельный друг одного юного несчастливца, который стал бы одним из лучших офицеров Франции, избегнув ужасной катастрофы этого юного друга, столь же неосторожного, сколь добродетельного, провёл два целых года у меня между Францией и Женевой.

Этот молодой человек, подвергшийся столь же жестокому обращению, как и его друг, стал одним из лучших инженеров Европы. Я имел счастье устроить его при великом Короле[54], который знает и вознаграждает его заслуги. Я прошу вас как милости простить и его. Поистине, в том возрасте, в каком находимся мы с вами, милостивый государь, нам остаётся лишь проводить последние дни в прощении. Когда, стоя с края могилы, оглядываешься на прожитое, содрогаешься от стольких ужасных бедствий. Блаженны те, кому можно сказать вслед за Горацием:

Senior ac melior fit accidente senecta[55].

Желаю вам, милостивый государь, здоровья более крепкого, чем моё, долгого пользования тем чрезвычайным уважением, каким вы пользуетесь, отдыха после трудов и всей той снисходительности, какая так необходима людям, слабость и нищету которых вы знаете.

Имею честь быть с большим уважением, истинным почтением и благоговением, милостивый государь...»

[Затем следует комментарий Паскье:]

Нет нужды, без сомнения, обращать ваше внимание, милостивый государь, как и внимание тех, кто прочтёт это письмо г-на де Вольтера, на то, что это не одно из тех отречений, какие он так часто позволял себе в периодических изданиях относительно сочинений, которым не смел поставить своё имя. Здесь, напротив, речь идёт о деле, в котором он с удовольствием играл блестящую роль, где, далеко не имея чего-либо опасаться, он видел лишь приобретаемую славу; здесь, при простом, но грозном вызове человека, вправе требующего истины, он смущается, совесть вырывает у него тайное отречение; здесь, когда он не может ответить на доводы, какие ему представлены, на упрёки, какие ему адресованы, и притом без шума, без огласки, — тут он решается возложить на другого сочинение, которым, быть может, ещё за несколько мгновений перед тем гордился, просить для другого прощения, какого, без сомнения, не смел надеяться получить для себя; так, повторяю, когда никакая иная сила, кроме истины и его совести, его к тому не принуждает, он расточает свидетельства уважения, почтения, благоговения тому, кого столь жестоко терзал, и честности которого не боится вверить столь сильное свидетельство против себя.

Пусть же теперь судят между Вольтером и моим дедом.

Окончив учение, я изучал право без большой прилежности. Как все молодые люди той эпохи, я считал верховую езду, фехтование, танцы лучшим способом распорядиться своим временем. Мы редко посещали лекции г-на Сареста[56] — Кристиан де Ламуаньон, де Монбретон и я. Мы почти ничего от этого не теряли, ибо первое сочинение, какое он вложил нам в руки и которое комментировал перед нами, было «Общественный договор»[57]. Этот факт хорошо рисует дух, царивший в ту эпоху.

Обычаи сильно изменились со дней, когда складывались искусные законоведы, которыми французская адвокатура и магистратура столь гордились.

Как же случилось, что из столь неполного преподавания вышли люди, которые на всех поприщах, особенно в магистратуре, где основательное знание столь необходимо, с блеском занимали важные посты в особенно трудные времена? По причине весьма простой: деловая жизнь начиналась много раньше, чем ныне, на поприще вступали моложе; в пятнадцать лет вступали в армию, в четырнадцать — во флот; офицеры флота слыли самыми образованными в Европе. Позже, правда, вступали в инженерные войска; в двадцать лет офицеры были столь же искусны в теории, как и в практике; место, какое они заняли в 1792 году во французской армии, доказывает справедливость этого утверждения.

В магистратуру вступали в двадцать лет, право решающего голоса имели в двадцать пять.

То, что практиковалось в Парламентах, было в обычае и в низших судебных инстанциях, а известно, сколь многочисленны они были. То же было и в Счётной палате[58], в Палатах косвенных сборов[59] и т. д. В собственно администрации, то есть в бюро всех финансовых ведомств, никаких правил относительно возраста не предписывалось, и возраст этот, как правило, был весьма ранним. Нельзя было ставить молодым людям, поступавшим на различные поприща, столь же строгие условия, как тем, кто ныне поступает после курсов, часто доводя-

щих их до двадцати двух или двадцати трёх лет. Было ли это злом или благом? Для военной службы на суше и на море, я сказал, французские офицеры в отношении науки превосходили офицеров других наций. Однако они не знали и десятой части того, что знают сегодня те, кто выходит из подготовительных школ.

Было бы весьма основательно сказать, что сам Вобан[60] не был бы в состоянии выдержать экзамен, какой должен сдать для допуска ученик, стремящийся в Политехническую школу[61].

Всегда говорили, что есть специальные технические знания, какие можно приобрести на школьной скамье. Но это не всё; нужны и другие нравственные и физические качества, приобретаемые в ином месте. Есть два воспитания, одно следует за другим. Первое — плод классических или специальных занятий, но после него приходит то, которое даёт среда, в которой молодой человек живёт по выходе из школы, примеры, впечатления, традиции, какие он воспринимает. Ныне это второе воспитание утратило большую часть своей ценности и силы. Молодой человек, выходящий в свет лишь в двадцать два или двадцать три года, полагает, что ему больше нечему учиться; чаще всего он питает абсолютную уверенность в себе и глубокое презрение ко всему, что не разделяет идей и мнений, какие он уже себе составил.

Иначе было при предшествующем режиме.

Молодёжь, которой свет открывался так рано, входила в него лишь с робостью, не могла скрыть от себя своей недостаточности. Добавьте, что свет, среди которого надлежало проложить себе путь, был умён, изыскан, прочно покоился на неизменной иерархии, освящённой временем, в которой рождались, в которой должны были жить, в которой должны были умереть.

Я беру в пример тот свет, в который был допущен в возрасте семнадцати лет, — свет магистратуры, в котором Парижский парламент занимал столь большое место. Несмотря на влияние, какие нравы века уже там оказали, привычки сохраняли там известную серьёзность, сочетавшуюся, во многих семьях, с довольно изысканной эlegantностью жизни, во всех — с весьма живым вкусом к умственным удовольствиям, а в некоторых — с весьма обширными познаниями в самых высоких науках.

Так, Парламент заключал в своём лоне председателя Саррона[62], всё свободное время которого было посвящено — и с большим успехом — астрономическим исследованиям, и г-на Диони дю Сежура[63], шедшего весьма близко за д'Аламбером в высоких областях геометрии. Даже поэзия имела там своих адептов; г-н Ферран[64] сочинял трагедии, а г-н Фавье[65] позволял себе ставить комические оперы, которые, правда, шли не под его именем. «Поль и Виргиния»[66] была одним из его произведений.

Таким образом, для меня открылось более тридцати салонов, где не было недостатка в приятных и основательных беседах; они были тем более привлекательны, что происходили обычно между людьми, привыкшими встречаться, обмениваться мыслями. Очень большие собрания были редки; обычно они не превышали тридцати или сорока человек.

Как только я был туда допущен, я почувствовал своё невежество и испытал живое желание избавиться от него. Тогда во мне проявился тот вкус к последовательному и внимательному чтению, какой с тех пор меня никогда не покидал.

Я посещал курсы Лицея[67], только что открывшегося. Профессорами были г-н де Лагарп[68], г-н де Фуркруа[69], г-н Гара[70], г-н де Парсьё[71] — почти все люди, уже составившие себе репутацию в науках или словесности. Избранное парижское общество теснилось, чтобы слушать их лекции; оно извлекало из них, сверх запаса личного образования, темы для бесед. Ныне трудно представить себе это умственное движение.

До 1788 года политика занимала там очень малое место, но новые сочинения, театральные пьесы, книги самые серьёзные, как и самые лёгкие, постоянно там обозревались. Они были предметом суждений, споров, в которых изошрённые умы проявляли все свои способности. Мне кажется, я всё ещё переживаю тот день, когда появилось «Путешествие молодого Анахарсиса»[72]; оно одно питало беседы целую зиму, и трудно было бы, в самом деле, дать беседам более приятную пищу.

Что до меня, второе воспитание, которое даёт свет, о могуществе которого я говорил, началось с той минуты, как я вернулся в отчий дом. Не проходило дня, чтобы во время или после обеда между моим отцом и кем-либо из его друзей или коллег не начинался разговор о делах, какие утром волновали Дворец[73] — в заседаниях или в стенах большой палаты. В этих беседах обсуждались доводы за и против, оценивались достоинства адвокатов, докладчиков и мнений, высказанных по делам.

Впечатление от этих наставлений было живым для ума, не лишённого способности чувствовать их ценность и питавшего живое желание однажды быть в состоянии в них участвовать.

Вступив в Парламент, я, ещё до обретения права решающего голоса, находил весьма поучительным в течение пяти лет присутствовать на всех обсуждениях: это послушничество завершало то второе воспитание, значение которого я стараюсь показать.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

[1] ****Старый порядок (Ancien Régime).** Общественно-политическая система Франции, существовавшая до Великой французской революции. Характеризовалась абсолютной монархией, сословным делением общества, наличием феодальных пережитков и привилегий духовенства и дворянства. Термин закрепился в историографии с конца XVIII века и утвердился благодаря работе Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция» (1856).

[2] ****«Революция 1793 года».** Паскье датирует Революцию 1793 годом — годом казни Людовика XVI (21 января 1793 г.) и установления Комитета общественного спасения, а не 1789 годом. Это авторская позиция, отражающая восприятие событий консервативным мемуаристом, для которого подлинным «началом» революционных потрясений стала гибель монархии. Общепринятая периодизация: Великая французская революция — 1789–1799 гг.

[3] ****Июльские ордонансы.** Четыре ордонанса, подписанные королём Карлом X 25 июля 1830 года: о роспуске Палаты депутатов, об изменении избирательного закона, о введении строгой цензуры и о назначении новых выборов. Вызвали Июльскую революцию 1830 года, приведшую к падению династии Бурбонов и воцарению Луи-Филиппа. Паскье был свидетелем этих событий и участником политической жизни Июльской монархии.

[4] ****Жан-Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau, 1712–1778).** Французский философ, писатель, композитор швейцарского происхождения; уроженец Женевы. Его педагогический трактат «Эмиль, или О воспитании» (1762) произвёл переворот в представлениях о воспитании детей, пропагандируя естественное воспитание, закаливание, отказ от пеленания и т. д. Методы, о которых пишет Паскье, прямо восходят к Руссо. Умер в Эрменонвиле; в эпоху Революции его прах был перенесён в Пантеон.

[5] ****«Женевский гражданин».** Жан-Жак Руссо, родившийся в Женеве и гордившийся своим гражданством; в своих сочинениях он неизменно подписывался «Ж.-Ж. Руссо, гражданин Женевы». Руссо был принят в женевское гражданство в 1712 году и сохранял его до конца жизни, несмотря на конфликты с женевскими властями.

[6] ****Изгнание Парламента (1771).** Канцлер Рене-Николя де Мопу, министр юстиции Людовика XV, в 1771 году упразднил Парижский парламент и заменил его новыми судебными учреждениями; члены парламента были изгнаны. Это событие вызвало широкое недовольство и способствовало росту оппозиционных настроений. После смерти Людовика XV (1774) старые парламенты были восстановлены Людовиком XVI.

[7] ****Инокуляция (вариоляция).** В XVIII веке практиковалась прививка натуральной оспы (вариоляция) — предшественница вакцинации Дженнера. Французское **vacciner**, употреблённое Паскье, в XVIII веке означало именно инокуляцию (вариоляцию), а не вакцинацию в современном смысле (метод Дженнера появился в 1796 году). Термин «инокуляция» в академическом издании предпочтителен как исторически точный.

[8] ****Хорлох (Horloch).** Английский врач, пропагандист вариоляции; прибыл в Париж раньше братьев Саттон. В ряде переводов встречается как Орлок; здесь сохранена форма, более близкая к французской передаче имени. В оригинале рукописи имя могло быть искажено OCR; возможны варианты **Hourlot**, **Houlston** и др. Точная идентификация требует сверки по академическому изданию мемуаров.

[9] ****Братья Саттон (Sutton).** Даниэль и Роберт Саттон, английские врачи, пропагандисты вариоляции; в 1760-х годах основали в Лондоне «институт» для прививки оспы. Их метод был более безопасным, чем предшествующие, и получил распространение во Франции. Даниэль Саттон (1735–1819) был лейб-медиком герцога Бедфорда.

[10] ****Бувар (Michel-Joseph Bouvard, 1746–1814).** Французский врач, лейб-медик Людовика XVIII. Позиция Буvara, объявившего, что надлежит примириться с потерей матери или ребёнка, отражает распространённые в XVIII веке представления о пределах врачебного вмешательства и о «воле Божией» в тяжёлых случаях.

[11] ****Вольтер (Voltaire, настоящее имя François-Marie Arouet, 1694–1778).** Французский писатель, философ, историк, один из главных представителей Просвещения. Учился в Коллеже Людовика Великого у отца Поре. Автор «Кандида», «Философских писем», «Опыта о нравах» и др. Вёл переписку со многими европейскими монархами; жил в Ферне (1758–1778). Паскье-старший учился с Вольтером в одном классе.

[12] ****Отец Поре (Charles Porée, 1675–1741).** Французский иезуит, профессор риторики в Коллеже Людовика Великого; среди его учеников — Вольтер. Паскье-старший учился у

него в одно время с Вольтером. Поре был известен своим ораторским искусством и либеральными взглядами на образование.

[13] ****Отвечающий.**** В католической мессе «отвечающий» (лат. **respondens**, фр. **répondant**) — мирянин или клирик, произносящий ответы на возгласы священника. В переводе ранее стояло «прислужник», что неточно: прислужник (министрант) выполняет иные функции.

[14] ****Сцена с дедом и мессой.**** Эпизод отражает сочетание личной набожности и строгого следования ритуалу, характерное для магистратской среды конца Старого порядка. Готовность восьмидесятилетнего старика заменить отсутствующего отвечающего — жест смирения, подчёркивающий его искреннюю веру. В контексте мемуаров этот эпизод важен как свидетельство о нравах старой магистратуры.

[15] ****Коллеж Жюйи (Juilly).**** Основан в 1638 году ораторианцами; одно из самых престижных учебных заведений Франции при Старом порядке. Среди выпускников — Монтескьё, Бюффон, Ларошфуко. Закрыт в 1793 году, вновь открыт в 1808 году. В эпоху Паскье коллеж славился высоким уровнем преподавания и строгой дисциплиной.

[16] ****Отец Пти.**** Настоятель коллежа Жюйи в 1770-х годах; сведений о нём сохранилось мало. Возможно, имеется в виду один из ораторианских настоятелей, управлявших коллежем в тот период.

[17] ****Отец Мандар.**** Ораторианец, проповедник, готовивший учеников к первому причастию; включён в список королевских проповедников. Сведений о нём сохранилось мало; его роль в воспитании Паскье подчёркнута самим мемуаристом.

[18] ****Ораторианцы.**** Конгрегация Оратории Иисуса и Марии, основанная в 1611 году кардиналом де Берюлем. Занималась образованием духовенства и мирян. Ораторианцы были известны строгой дисциплиной и сильным гуманитарным циклом; их близость к янсенизму (через связь с Пор-Роялем) объясняет выбор матери героя. Конгрегация была упразднена в 1790 году.

[19] ****Янсенизм.**** Религиозное движение внутри католицизма, осуждённое папой в 1713 году буллой **Unigenitus**. Янсенизм подчёркивал необходимость благодати и предопределения, выступал против иезуитского молинизма. Оказал значительное влияние на воспитание и быт французского общества XVIII века. Центром янсенизма был монастырь Пор-Рояль, разрушенный в 1710 году. Янсенистские идеи разделяли многие магистраты и представители «судейского сословия».

[20] ****Неаполитанский катехизис.**** Авторитетный в янсенистских кругах компендиум догматики; его многотомность и сложность были предметом жалоб у воспитанников. Сведений о точном названии и авторе не сохранилось; возможно, речь идёт о катехизисе, составленном неаполитанским епископом или богословом и принятом во французских янсенистских кругах.

[21] ****Религиозные конгрегации.**** В данном контексте — монашеские ордена и конгрегации, занимавшиеся образованием (ораторианцы, иезуиты, лазаристы и др.). Термин «конгрегация» точнее, чем «корпорация», поскольку речь идёт о церковных институтах.

[22] **Моле (François-René Molé, 1734–1802).** Французский актёр, один из ведущих трагиков «Комеди-Франсез». Упоминается в третьей главе как посетитель салона мадемуазель Конта. Возможно, речь идёт о его родственнике, учившемся с Паскье в Жюйи.

[23] **д'Этамп.** Соученик Паскье по коллежу Жюйи; сведений о нём сохранилось мало.

[24] **Мези.** Соученик и близкий друг Паскье; сведений о нём сохранилось мало.

[25] **Арно (Antoine-Vincent Arnault, 1766–1834).** Французский драматург, поэт и политический деятель; автор трагедии «Марий в Минтурнах» (1791). Член Французской академии (1803; в 1816 году исключён за приверженность Наполеону, в 1819 году восстановлен). Учился в коллеже Жюйи одновременно с Паскье; был членом Института, занимал административные должности при Наполеоне. Не путать с Люсьеном Арно (1787–1863), его сыном, тоже драматургом.

[26] **«Марий в Минтурнах» (Marius à Minturnes).** Трагедия в трёх действиях, написанная Антуаном-Венсаном Арно в 1791 году. Посвящена римскому полководцу Гаю Марию, который, будучи изгнан, скрывался в болотах Минтурн. Пьеса имела огромный успех.

[27] **Берье (Mme Berryer).** Вдова Николя-Рене Берье (1703–1762), занимавшего должности интенданта, государственного советника и морского министра при Людовике XV. Мать г-жи де Ламуаньон (урождённой Берье). Её салон в Париже и замок Тюбёф были центрами светской жизни. Сведений о её жизни сохранилось мало; Паскье описывает её как женщину тонкого ума и необычайной нравственной энергии.

[28] **Поместье Кулан (Coulans).** Родовое имение семьи Паскье близ Ле-Мана; возведено в баронство. В нём Паскье проводил каникулы в детстве.

[29] **Ле-Ман (Le Mans).** Город в провинции Мэн на западе Франции; центр одноимённого епископства. В XVIII веке — провинциальный город с богатой светской жизнью.

[30] **Епископство Ле-Манское.** Одно из наиболее богатых и престижных епископств Франции. Кафедральный собор Ле-Мана — один из крупнейших памятников готической архитектуры.

[31] **Гримальди.** Аббат, затем епископ Ле-Манский (в последние годы царствования Людовика XV), впоследствии переведён на кафедру в Нуайон. Из знатного рода Гримальди; в эпоху Революции эмигрировал в Англию, где, по-видимому, и умер. Сведений о его жизни сохранилось мало.

[32] **Генеральные викарии (grands vicaires).** В католической церкви — должностные лица епархии, назначаемые епископом и помогающие ему в управлении. Термин «главные викарии» неточен; в русской традиции принято «генеральные викарии».

[33] **Сен-Сюльпис (Saint-Sulpice).** Семинария в Париже, основанная в 1641 году; готовила священников. Гримальди учился там вместе со своими будущими викариями. Семинария Сен-Сюльпис была известна строгой дисциплиной и высоким уровнем богословского образования.

[34] ****Мопу (René-Nicolas de Maupeou, 1714–1792).** Канцлер Франции в 1768–1774 гг.; в 1771 году провёл реформу, упразднившую Парижский парламент. После смерти Людовика XV его реформа была отменена, старые парламенты восстановлены.

[35] ****Пейзажный парк (jardin anglais).** Пейзажный парк, противопоставлявшийся регулярному французскому саду; мода на него распространилась во Франции во второй половине XVIII века. Термин «английский сад» неточен: в русской традиции принято «пейзажный парк».

[36] ****Нуайон (Noyon).** Епископство в Пикардии; Гримальди был переведён туда из Ле-Мана. Нуайонская кафедра была одной из старейших и наиболее престижных во Франции.

[37] ****Месье (Monsieur).** Титул старшего брата короля; при Людовике XVI — граф Прованский (будущий Людовик XVIII). Драгунский полк Месье — полк, номинальным шефом которого являлся брат короля; фактическим командиром был г-н де Лашатр.

[38] ****Лашатр (La Châtre).** Французский аристократ, командир драгунского полка Месье в Ле-Мане; сведений о нём сохранилось мало. Его жена, г-жа де Лашатр, была известна своей светскостью и любовными связями.

[39] ****Замок Маликорн (Malicorne).** Поместье семьи Лашатр близ Ле-Мана; центр светской жизни провинции.

[40] ****«Обитель галантности».** Цитата из Корнеля (вероятно, из «Лжеца» или «Никомеда»); означает место любовных интриг. В переводе ранее стояло «пребывание галантностей» — неточно.

[41] ****Замок Тюбёф (Tubœuf).** Поместье семьи Берье; большой кирпичный замок с парком. В нём Паскье проводил каникулы.

[42] ****Берье (Nicolas-René Berryer, 1703–1762).** Французский государственный деятель, морской министр при Людовике XV; занимал также должности интенданта и государственного советника. Отец г-жи де Ламуаньон.

[43] ****Ламуаньон (Mme de Lamoignon).** Урождённая Берье; жена Кретьена-Франсуа де Ламуаньона (1735–1789), хранителя печатей при Людовике XVI. Мать мадемуазель Луизы де Ламуаньон.

[44] ****Бавиль (Basville).** Имение семьи Ламуаньон; место разорения главы семьи.

[45] ****Бальбатр (Claude-Bénigne Balbastre, 1724–1799).** Знаменитый французский органист и клавесинист, придворный музыкант; органист собора Нотр-Дам и королевской капеллы. Его уроки брала мадемуазель Луиза де Ламуаньон.

[46] ****Моле.** Знаменитая судебская семья; из неё происходил, в частности, первый председатель Парижского парламента. Брак мадемуазель Луизы де Ламуаньон с представителем семьи Моле был естественным союзом двух магистратских родов.

[47] ****Особняк Моле (hôtel Molé).** Городской особняк семьи Моле в Париже; здесь *hôtel* означает «особняк», а не «гостиница».

[48] ****Дело Лалли.** Граф Томас Артур де Лалли (1702–1766), командующий французскими войсками в Индии, после капитуляции Пондишери в 1761 году был обвинён в измене, осуждён Парижским парламентом и казнён в 1766 году. Его сын, Лалли-Толлендаль (1751–1830), добивался пересмотра дела; реабилитация состоялась в 1778 году. Дед Паскье был докладчиком по этому делу и подвергался критике Вольтера.

[49] ****Дело Лабарра.** Жан-Франсуа де Лабарр (1747–1766), дворянин, был обвинён в святотатстве (повреждение распятия) в Абвиле, осуждён и казнён в 1766 году. Дело стало символом религиозной нетерпимости; Вольтер написал «Комментарий к книге „Преступления и наказания“» в защиту Лабарра. Дед Паскье как докладчик по делу подвергался критике.

[50] ****Лагарп (Jean-François de La Harpe, 1739–1803).** Французский драматург, поэт, критик. В 1801 году опубликовал «Литературную переписку», где воспроизвёл обвинения против деда Паскье.

[51] ****«Journal des Débats».** Влиятельная французская газета, основанная в 1789 году; в эпоху Консульства и Империи — орган либеральной оппозиции.

[52] ****Лалли-Толлендаль (Trophime-Gérard, marquis de Lally-Tollendal, 1751–1830).** Французский политический деятель, сын казнённого графа де Лалли; добился пересмотра дела отца. Депутат Генеральных штатов, один из лидеров конституционалистов. В эпоху Реставрации — пэр Франции.

[53] ****Ферне (Ferney).** Поместье Вольтера близ Женевы, где он жил с 1760 года до смерти в 1778 году. В 1758 году Вольтер приобрёл имение Ферне и перестроил его в усадьбу; там он принимал многочисленных гостей и вёл обширную переписку.

[54] ****«Великий Король».** Имеется в виду Фридрих II Прусский (1712–1786), при дворе которого Вольтер жил в 1750–1753 гг. и куда он устроил одного из своих протеже (вероятно, инженера). Фридрих II покровительствовал Вольтеру и вёл с ним переписку; после разрыва отношения были восстановлены.

[55] ****Гораций, «Наука поэзии», ст. 177.** ***Senior ac melior fit accidente senecta*** — «Становится старше и лучше с наступающей старостью». Цитата не находится у Горация в этом виде; возможно, Вольтер парафразирует или приводит по памяти (ср. ***Ars Poetica***, 177: ***multa senem circumveniunt incommoda*** — «Многие невзгоды окружают старика»). В переводе ранее стояло «вместе с Горацием» — неточно.

[56] ****Сапест (Sareste).** Французский юрист, профессор права; сведений о нём сохранилось мало. Паскье упоминает его лекции по «Общественному договору» Руссо как характерную черту эпохи.

[57] ****«Общественный договор» (Du contrat social).** Трактат Ж.-Ж. Руссо (1762), излагающий теорию народного суверенитета. Использование его как учебника права в коллеже характеризует дух эпохи.

[58] **Счётная палата (Cour des comptes).** Высший финансовый суд Старого порядка; ведала проверкой государственных расходов.

[59] **Палаты косвенных сборов (Cours des aides).** Судебные органы, разбиравшие дела, связанные с косвенными налогами.

[60] **Вобан (Sébastien Le Prestre de Vauban, 1633–1707).** Знаменитый французский военный инженер, маршал Франции, строитель крепостей. Его имя стало нарицательным для обозначения военно-инженерного гения.

[61] **Политехническая школа (École polytechnique).** Основана в 1794 году; первоначально готовила инженеров и артиллеристов. Упоминание её в контексте XVIII века — анахронизм, но характерный для автора, писавшего в XIX веке.

[62] **Председатель Саррон (Jean-Baptiste Saron).** Член Парижского парламента, астроном-любитель; сведений о нём сохранилось мало.

[63] **Диони дю Сежур (Dionis du Séjour, 1734–1794).** Французский математик и астроном, член Парижского парламента; автор работ по геометрии и астрономии. Казнён при Терроре.

[64] **Ферран (Antoine-François Ferrand, 1745–1828).** Французский магистрат, советник Парижского парламента; составитель ремонстраций. Впоследствии эмигрировал. Упоминается также во второй главе.

[65] **Фавье (Jean-Louis Favier, 1711–1784).** Французский драматург и литератор; автор комических опер. Сведений о его авторстве «Поля и Виргинии» не сохранилось; вероятно, Паскье имеет в виду оперу, а не роман.

[66] **«Поль и Виргиния» (Paul et Virginie).** Роман Жака-Анри Бернардена де Сен-Пьера, опубликованный в 1788 году. Г-н Фавье — вероятно, имеется в виду Жан-Луи Фавье, автор комических опер; его авторство «Поля и Виргинии» — ошибка памяти Паскье (роман написан Бернарден де Сен-Пьером). В 1790-х годах действительно существовала опера «Поль и Виргиния» (Лёзёр, 1794), но Паскье говорит о событиях до 1788 года, так что это, вероятно, ошибка памяти — если только не имелась в виду более ранняя постановка.

[67] **Лицей (Lycée).** Публичные лекции по литературе, наукам и искусству, открытые в Париже в 1785 году. Не путать с современным лицеем как типом учебного заведения. Лицей был основан по инициативе Жана-Франсуа де Лагарпа и других литераторов; лекции читались в помещении на улице Сент-Оноре.

[68] **Лагарп (Jean-François de La Harpe, 1739–1803).** Французский драматург, поэт, критик; профессор Лицея. В 1801 году опубликовал «Литературную переписку», где воспроизвёл обвинения против деда Паскье.

[69] **Фуркруа (Antoine-François de Fourcroy, 1755–1809).** Французский химик и политический деятель; профессор Лицея. Сподвижник Лавуазье; в эпоху Революции — член Конвента, организатор системы образования.

[70] **Гара (Dominique-Joseph Garat, 1749–1833).** Французский писатель и политический деятель; профессор Лицея. В эпоху Революции — министр юстиции, член Конвента.

[71] **Парсьё (Antoine de Parcieux, 1703–1768).** Французский математик и инженер; сведений о его лекциях в Лицее сохранилось мало. Возможно, Паскье имеет в виду другого профессора.

[72] **«Путешествие молодого Анахарсиса» (Voyage du jeune Anacharsis en Grèce).** Сочинение аббата Жан-Жака Бартеlemi (1716–1795), опубликованное в 1788 году; описывает путешествие скифского мудреца Анахарсиса по Греции IV века до н. э. Имело огромный успех, считалось образцом исторического романа.

[73] **Дворец (Palais).** Дворец правосудия в Париже, где заседал Парижский парламент; «волновали Дворец» — то есть обсуждались в судебных кругах.